б). Евразийская интеграция как часть внешнеполитической стратегии России

Интеграция – это стратегическое конкурентное преимущество в XXI веке. Федеральная сетевая компания исторически имеет очень сильный интеграционный фундамент на евразийском пространстве, обеспечивает передачу и прием электроэнергии по 140 межгосударственным линиям электропередачи с 11 государствами[1]

А. Казанческов,
первый заместитель,
председатель Правления ОАО «ФСК ЕЭС»

Внешняя политика с начала XXI века декларирует интересы евразийской интеграции, но делает это непоследовательно и невыразительно. Так, часть (порой существенную) своей внешней политики мы уступаем Западу в ущерб нашим интересам в развитии сотрудничества с Востоком. Наиболее очевидные пример – отказ от поставок ЗРК С-300 Ирану и Сирии, которые серьезно подорвали престиж страны.

Приоритет интеграции должен быть заявлен на самом высоком уровне, более того, объявлен зоной жизненно важных интересов.

Этот подход принципиально отличен как от односторонней ориентации на Запад, или Восток, так и изоляции России от процессов глобализации. Отчасти, по аналогии с внешней политикой России конца XVII – начала XVIII века, он означает поиск союзников (пусть бесполезных, и даже вредных, как в то время Пруссия и Польша) для возвращения России, ее места в Евразии и восстановления «политического единства» (по словам В. Ключевского) нации.

Главным, если ни единственным, таким союзником у России, как и в предыдущие века ее истории, становится развитие НЧК, включая его демографическую и интеллектуальную составляющие. Прежде всего науку, культуру, образование, искусство, творческие силы нации. Здесь справедлива формула, о которой писалось прежде: если ЧК одной личности составляет значительную величину, приближаясь к максимуму, то НЧК (человеческий капитал всей нации) резко возрастает,

[1] ФСК наведёт энергомосты в Евразию / Эл. ресурс: «Стройпульс». 2013. 25 марта / URL: http://www.stroypuls.ru

существенно компенсируя количественные демографические различия между Россией и остальными странами. Так, если индивидуальной ЧК низок, близок к нулю, то и НЧК – близка к нулю. Сумма нулей близка к нулю. Но справедливо и обратное утверждение, когда качество индивидуального ЧК превращает нацию в огромную силу. В этом смысле евразийская стратегия, как и внешняя политика России должны быть направлены прежде всего на увеличение НЧК и его влияния вовне, в Евразии.

Евразийскую интеграцию, таким образом, следует рассматривать как средство обеспечения выживания России, сохранение ее идентичности и безопасности, а не только как торгово-экономическое сотрудничество и даже внешнеполитический приоритет. Именно такой подход, вытекающий из остатков либеральной идеологии правящей элиты сохраняется, к сожалению, пока в России. Эффективность такого подхода в экономике хорошо видна из «эффективности» либеральных реформ, например в электроэнергетики, ибо хорошо видна на примере последних 10 лет[1]. Между тем единая энергосистема СССР или единая ж/д сеть, как и многие другие отрасли, могли бы сохраниться.

Рост цен на электроэнергию для населения в сравнении с инфляцией

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Электроэнергия для населения, %	16,6	18	18	16,7	13	14	25	10	9,6	3	10,6*
Индекс потребительских цен, %	12	11,7	10,9	9	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6*

* – прогноз

Источник: Минэкономразвития РФ, Росстат

Не трудно увидеть, что либеральная экономическая политика вела к постоянному сокращению НЧК (прежде всего сокращению ВВП на душу населения), а евразийская политика в области энергетика, транспорта – к его росту.

Кроме того большая страна, такая как СССР или Россия сохраняются только при условии, когда развитие инфраструктуры, прежде всего дорог, идет более быстрыми темпами, чем остальные отрасли экономики. Это

[1] *Куликов С.* Кому светит лампочка Чубайса // Независимая газета. 2013. 28 марта. С. 4.

хорошо понимали в Древнем Риме, прокладывая дороги в самые дальние уголки империи. Это понимал и Петр I, который во время войны строил дороги, каналы, мосты. Это хорошо понимал Николай II, форсируя строительство Транссиба, который (теми способами и технологиями!) был построен за 10 лет. Это понимали и при Советской власти, строя Волго-Донской канал и Амурскую магистраль.

И сегодня евразийская стратегия, и внешняя политика должны исходить из необходимости опережающего развития транспортной сети и сопутствующей инфраструктуры, не превращая их, однако, в простой «транзитный коридор» между Западом и Востоком.

Но именно такой подход к системной проблеме евразийской безопасности сохраняется у монетарных властей и сегодня. Он серьезно влияет не только на политику евразийской интеграции, но и на всю внешнюю политику страны. Внедряя либеральные экономические модели, в том числе во внешнюю и военную политику, либеральные власти дискредитируют саму идею евразийской интеграции как геополитического инструмента выживания России. И не только потому, что макроэкономические принципы в политике не всегда эффективны, но и потому, что (как показывают реформы либералов) монетарные власти не могут их даже проводить с положительным результатом. Это наглядно видно на примере управления «либеральными менеджерами» в Министерстве обороны, Внутренних дел, Здравоохранения, Образования и т.д.

В контексте внешней политики и политики безопасности стратегия евразийской интеграции становится уже не просто одним из важных, но все-таки одним из глобальных процессов, а стратегий, от которой зависит само существование нации и России. Причем не в узком понимании – как экономической и таможенной интеграции нескольких стран СНГ, – а в самом широком, в том числе политическом, контексте. Гарантия выживания России и ее уникальной цивилизации заключается в реализации широкого евразийского проекта «от Лиссабона до Владивостока». И, похоже, В. Путин разделяет этой подход. В частности, в своей известной статье в октябре 2011 года он пишет: «Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества. При этом не

собираемся кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными долгосрочными национальными интересами[1].

Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов, – говорил в известной статье В. Путин еще в 2011 году. Проблема, однако, в том, что другая – западная часть – Европы так не думает. Она пока что формирует, причем ускоренно, свою идентичность в рамках Евросоюза. И мы обязаны считаться с этими реалиями.

Для этого существует множество аргументов, главный из которых заключается в том, что, развивая восточное направление своей политики, интеграции, Россия никогда не сможет ни перестать быть европейской державой, ни игнорировать экономические, политические и иные реалии современной Европы. Так, Европа, являясь крупнейшим потребителем энергоресурсов России, сегодня и в обозримом будущем будет влиять на экономическое благополучие нашей страны.

Но так долго продолжаться не будет. Планы, которые там существуют, в случае их реализации, не могут не повлиять на эту ситуацию. В Германии, например, реализация амбициозных проектов в области энергетики, существенным образом будет влиять на российский экспорт углеводородов уже в среднесрочной перспективе.

[1] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

[1]

В определенном смысле ориентация на Европу – политически, экономически. Культурно – не имеет долгосрочной перспективе потому, что:

– центр мировой активности переносится в страны АТР;

– потому, что мы не были никогда нужны и не будем Европе (за исключением некоторого вида ресурсов);

– наконец, потому, что у России должна быть только своя внешняя и военная политика, когда на нее ориентируются, а не она становится в фарватере чужой политики и идей.

Более того, как только Россия выдвигает свой проект и начинает проводить свою политику, она немедленно становится оппонентом Европы, у которой есть уже свой проект. На единый проект, как показывает история, Европа не соглашается.

Эта политика не может быть иной, как освоения пространства России, развивая ее транспортную и инфраструктурную сеть, наращивал НЧП в восточных областях от Урала опережающими темпами. По справедливому утверждению Е. Пономаревой, «“Новый интеграционный проект” важен для России, ее союзников и равно опасен для ее противников как возможность противостоять напору атлантизма, отстоять самобытность своей культуры, обеспечить национальную безопасность во всех ее аспектах. В современных условиях ни Россия, ни другие страны постсоветского пространства выжить в одиночку не

[1] *Никифоров О.* Переход к возобновляемым источникам энергии // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 9.

смогут. Однако именно Россия, являясь одним из геополитических центров Евразии, обладающая самыми мощными в постсоветской ойкумене экономическими, военными и политическими ресурсами, может и должна стать отправной точкой возникновения новой архитектоники мира»[1].

Однако следует помнить, что, создавая будущее, необходимо иметь не только необходимые ресурсы и технологии для его осуществления, но и свою идеологию и железную волю. Только в приложении колоссальных усилий “новый интеграционный проект для Евразии” действительно станет будущим, которое рождается сегодня»[2].

На официально-формальном уровне все, вроде бы, движется. По мнению В. Путина, «Ещё в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции. О формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки. И, наконец, о снятии визовых барьеров. Эти предложения не повисли в воздухе – они детально обсуждаются европейскими коллегами»[3]. С тех пор прошло более 10 лет, а результаты более чем скромные. Боюсь, что они такими же будут и в обозримой перспективе, пока Россия не станет активно продвигать свой внешнеполитический проект. В данном случае евразийской интеграции.

Европа, поворачивалась лицом» к России только в периоды крайне военной нужды, занимая по сути традиционно враждебную позицию и стремясь отодвинуть наши границы на восток. Ситуация, как и в случае с Византийской империей, повторяется. Пока элита Византии

---

[1] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

[2] *Пономарева Е.Г.* Изобретая будущее: сценарии развития российской государственности // Мир и политика. 2012. № 1 (64). С. 22.

[3] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

ориентировалась на национальную систему имперских ценностей, Европа лукаво обещала ей поддержку, но как только в византийской элите появилась партия соглашателей, то Византия не только не получила обещанной поддержки, но и исчезла как государство.

Очевидно, что разные страны в Европе, в том числе и среди стран СНГ, по-разному относятся к идее интеграции. Особенно среди стран Евросоюза, однако ее потенциал, как показали даже первые месяцы, – огромен. В частности, 1 июля 2012 года в Молдове начало работать Евразийское агентство новостей. Его корпункты будут расположены во всех крупных городах республики. Цель проекта – пропаганда евразийского интеграционного направления и, в частности, первого его этапа – Таможенного союза (ТС) РФ, Белоруссии, Казахстана. В республике идет сбор подписей за проведение референдума о присоединении к нему. Глава делегации Евросоюза в Кишиневе Дирк Шубель предупредил: интеграционные векторы на ЕС и ТС несовместимы[1].

Эти инициативы и проявления требуют однозначной и решительной поддержки со стороны России, даже если это и может повлиять (и наверняка повлияет) на отношения с другими странами. Россия должна политически и с помощью институтов НЧК всячески поддерживать любые общественные и политические силы, стремящиеся к интеграции с ней. Даже ценой политических и экономических издержек. Сегодня такая реакция вялая, либо вовсе отсутствует.

Наконец, не следует забывать, что объективное развитие событий в ряде регионов Евразии потребует формирования **евразийской внешнеполитической** позиции России, которая сегодня отсутствует. В прошлом по отношению к ряду стран, и даже континентам, Великобритания, Франция и США не раз формулировали такую позицию. Такая позиция по отношению к Евразии есть сегодня и у США, и у Евросоюза, но ее нет у России. «Разновекторность», «прагматизм» – это тоже позиция, но позиция не политическая, не имеющая к практической внешней политике никакого отношения. Тем более к евразийской стратегии. В мире стремительно нарастают процессы изменения

[1] *Гамова С.* Брюссель предупредил Кишинев: налево не ходить // Независимая газета. 2012. 21 июня. С. 6.

соотношении сил в пользу нового центра силы в Азии, которые уже привели к стремительному нарастанию военных потенциалов и обозначили точки вероятных конфликтов не только в этом регионе, но и за его пределами. Политика США по «сдерживанию» Китая приобретает все более отчетливые очертания, хотя и до этого, в других странах, конфликтность угрожающе приобретает военно-политические формы: КНДР, Пакистан, Афганистан, Сирия, Ирак, Иран, да и другие азиатские страны и государства Ближнего Востока и Северной Африки становятся эпицентрами потенциальных конфликтов, где происходит столкновение самых разных интересов[1].

Какова позиция России по отношению к этим странам? Теоретически она может быть:

– проатлантической;

– «равноудаленной»;

– прокитайской;

– евразийской.

Если Россия хочет стать лидером, центром интеграции в Евразии, то она должна определенно об этом заявить. И о своих национальных интересах тоже.

Надо понимать, что восточные регионы России – хотим мы того или нет – становятся субъектом нарастающей конфликтности, но могу (и будут) стать их объектом.

[1] Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона / Аналитический доклад. М.: Иркутск, 2011. С. 11.

Россия не может избежать участия в той или иной форме или возможности дистанцироваться полностью от этих процессов. И не только потому, что они происходят в непосредственной близи от ее границ, но и потому, что она вынуждена занимать какую-то ясную внешнеполитическую и цивилизационную позицию, которая, в свою очередь, во многом предопределяет социально-экономическую и внутреннюю политику государства. И «разновекторная дипломатия» может помочь лишь на какое-то время и лишь отчасти: нужна долговременная евразийская стратегия, сочетающая политические, военные, экономические, информационные и социокультурные факторы в единой системе. Стратегия, формирующая будущий образ России. Образ лидера евразийской интеграции.

И, конечно, на формирование этого будущего образа и стратегии России активно влияют внешнии факторы, прежде всего позиция США и других развитых стран Запада, объединенных в военно-политический союз НАТО. Это влияние во многом совпадает с теми западно-либеральными кругами в современной России, которые открыто, последовательно и недвусмысленно ассоциируются с «развитыми демократическими странами». Вот что по этому поводу пишет профессор МГИМО(У) Е. Пономарева: «В обосновании недееспособности России сохранить свою государственность, недостатка нет. Вот, например,

позиция З. Бжезинского, которую активно отрабатывает ИНСОР. “... в отдаленной перспективе Россия, возможно, уразумеет, что присоединение к НАТО упрочит безопасность ее границ, в особенности на Дальнем Востоке, где российское население стремительно редеет. Не исключено, что, в конце концов, это соображение окажется самым убедительным. А в какой-то момент, в зависимости от эволюции Китая, крепнущее сотрудничество России с НАТО по вопросам, касающимся различных конкретных угроз глобальной безопасности (как предусмотрено Советом Россия–НАТО), могло бы заложить фундамент для построения трансъевразийской системы безопасности, которая простиралась бы на значительную часть континента, охватывая даже Китай”[1].

«В конечном счете, у России просто не остается альтернативы, если она желает сберечь ценнейшее из своих территориальных владений. Неисчислимые природные богатства Сибири – вот что сулит России наиболее радужные перспективы, а без западной помощи Россия не может быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над этой землей (курсив мой – *Е.П.*)”»[2].

Это хорошо видно на примере создания региональных систем ПРО в США и – потенциально – странами ОДКБ. Тем более что районы существующих и потенциальных конфликтов соседствуют и влияют не только на Россию, но и на всё постсоветское пространство.

Единственная эффективная стратегия противостояния нарастающему хаосу – евразийская политическая, экономическая и военная интеграция, которая позволит консолидировать российские ресурсы и постсоветских государств, а также вовлечь в этот процесс в той или иной степени другие (в т.ч. и европейские) государства. Соответственно, провал этой стратегии можно рассматривать как наиболее серьезные угрозы национальной безопасности России, невозможность противопоставить

[1] *Пономарева Е.Г.* Изобретая будущее: сценарии развития российской государственности // Мир и политика. 2012. № 1 (64). С. 19–20.

[2] Там же.

нарастающей мощи двух центров силы – США и Китая, – а также нарастающей конфликтности других.

Сегодня существуют попытки стратегического прогноза развития США и Китая на 15–20 лет, но важно отметить, что политические намерения (в отличие от экономических и военно-технических возможностей) меняются значительно быстрее. Трудно прогнозировать как отношения США-России, так и КНР-России даже на среднесрочную, а тем более долгосрочную перспективу. Так, объем торговли, например, между странами Европы и Азии за последние 25 лет вырос в 6 раз[1]. Что, конечно, никто не мог прогнозировать. Поэтому неизбежно предстоит исходить из «наихудшего сценария», который применительно к России может означать экономическую и политическую экспансию США и Китая. Никто не может гарантировать нашей стране, что при очередном переделе мира её территория и природные богатства избегнут посягательства от экономических и военных гигантов – США и Китая. Как справедливо заметил Л. Млечин, «Китай – после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода – идет на рандеву со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке утерял свое первенство.

Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы мечтают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: XXI век станет китайским веком»[2].

[1] Восточная аналитика. Ежегодник 2011. Экономика и политика стран Востока. М.: Институт востоковедения РАН. 2011. С. 101.

[2] *Млечин Л.* Китай – великая держава номер один? 2012 / Эл. ресурс: URL:http://profismart.org/